

Цикл
Владимира Малыгина
НЕБО В КАРМАНЕ!

Небо в кармане
Небо на ладони
Небо в руках

Владимир Малыгин

Ленинград
Издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М20

Серия «Попаданец»
Выпуск 208

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Малыгин, Владимир Владиславович

М20 Небо в кармане! : Небо в руках : роман / Владимир Малыгин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-183783-9

Здесь можно с полным правом написать: не вернувшись с полей сражений, с заданий, с вылетов, из похода. Это моряки и пехотинцы, танкисты и артиллеристы, сапёры и много, много кто ещё — военно-учётных специальностей в наших Вооружённых силах хватает. И не только они. На войне гибнут и простые люди, некомбатанты. Так что этот роман относится в полной мере и к ним. И пусть у каждого из ушедших будет ещё один шанс на жизнь. Пусть родные верят, что где-то там, в другом, параллельном мире продолжают жить дорогие их сердцу люди!

Неприветливое небо Северной столицы Российской империи осталось позади. Впереди — знойные просторы Туркестана, растрескавшаяся от жаркого солнца земля и заснеженные вершины Памира.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-183783-9

© Владимир Малыгин, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Не вернувшись из полёта
посвящается!*

Пролог

...Левым разворотом занимаю обратный курс, прохожу над разбитыми палатками. Изотов щёлкает затвором камеры раз, другой и показывает мне большой палец. Лицо довольное, даже светится от радости. Для него это событие. Нет, не так. СОБЫТИЕ! Второй сброс по реальной цели, по живой силе. По людям? Никак нет! По врагам! По мишени! Никто не звал этих смертников тайком приходить на нашу землю, разорять наши поселения, убивать и уводить в рабство российских подданных.

Только сейчас вспоминаю про нашего пассажира, что-то его не видно и не слышно. И за спинку кресла никто не дёргает.

Оглядываюсь, а он к своему окошку лицом прилип, смотрит на результаты моей работы. Ну, пусть полюбуется, я же вижу, что хорошо попал, положил бомбы с разлётом, конечно, но за пределы лагеря они ненамного ушли. И этого достаточно, добавлять больше не требуется. Мы лучше бомбы сэкономим, на здешнем складе оставим. Поручику-завхозу под роспись сдадим, пусть полежат до поры до времени.

Так что пусть Аносов любителю на результат моей работы, впечатлений набирается и радуется — ещё одна банда уничтожена. Думаю, после такого эффектного демонстративного разгрома у меня в этом мире появился ещё один ярый сторонник. Теперь капитан все пороги обобьёт, вышестоящие канцелярии рапортами завалит, только чтобы ему в помощь постоянно самолёт выделяли. И ведь выделяют, уверен. Только не скоро. Пока государь соберёт все отзывы о результатах нашей работы на Памире, пока решение примет, пока организуются, сколько времени может пройти? Много...

А я буду продолжать своё дело, строить и продавать самолёты, обучать лётчиков и техников, механиков и обслуживающий персонал. В общем, буду готовить кадры. Рано или поздно, но моя задумка принести максимально возможную пользу своей стране, обязательно выстрелит...

Глава 1

На высоте холодно. Очень. Рядом, руку протяни и дотронешься, медленно проплывают заснеженные поля горной хребтины. Через паутинку изморози на стекле кажется, что законцовка крыла вот-вот чиркнет по крутому скалистому склону. Приходится то и дело одёргивать себя от навязчивого желания отвернуть в сторону.

Топорщатся вверх зубастыми позвонками вершины гор, стекают вниз сверкающими на солнце ледяными рёбрами отрогов. Обжигающий холодный воздух просачивается через еле заметные щели дверей, морозит металл, покрывает его плотной шершавой коркой мелких кристалликов инея. И окна с краёв тоже покрылись инеем. Приходится сдерживаться и дышать носом, то и дело отворачиваться и утыкаться в меховой воротник куртки на выдохе, чтобы не напустить пара в кабину. Он же на стёклах первым делом оседает.

Даже не верится, что внизу, на земле, только что было тепло, стрекотали ночные цикады или ещё какие-то местные букахи, ласково сияли всем нам сверху огромные серебряные звёзды. Они и сейчас сияют, но уже совсем не ласково, а презрительно и равнодушно.

Утро, воздух ещё не прогрелся. Потому и мёрзнут руки даже в перчатках. И комбинезон не спасает вместе с надетой под него тёплой шерстяной одеждой. То и дело по телу пробегает озноб. Но не только от холода, но и от волнения. Важный сегодня день, первый день реальной боевой работы. Именно от результатов сегодняшнего дня будет зависеть не только дальнейшее развитие авиации, но и моя судьба.

Ладно, оставим размышлизмы и рефлексии на потом, а сейчас всё внимание должно быть сосредоточено на управлении. Нужно отбросить в сторону посторонние мысли, отрешиться от боли в замерзающих пальцах, от тесных пут сковывающего тело озноба. Осталось недолго потерпеть. Солнце уже поднимается выше и прямо у меня за спиной начинает выглядывать из-за острого двоянного позвонка гор. Впереди внизу, в долине, ещё темно, там пока ещё всю царствует ночь. А заснеженные вершины розовеют, приветствуя новый день. Поднимется выше солнце, и они засверкают под его лучами. На это и расчёт. Один из многих...

Казачий разъезд вчера сообщил генералу Ионову о появлении на нашей стороне очередной вооружённой группы афганцев. Командир раздумывать не стал, уточнил у меня о готовности самолёта к вылету и поставил боевую задачу по уничтожению нарушителей.

Вот так, не больше и не меньше. Никаких выдворений за чёрточку, задержаний и бесполезных уговоров. Нравы здесь простые, нарушили — отвечайте. С недовольством несоразмерностью наказания обращайтесь к ограбленным и униженным, а то

и убитым жителям правобережья. Они вам обоснуют серьёзность и жизненную необходимость ответных мер. Да, ещё про угнанных в рабство женщин и девушек забыл...

Отряд казаков на рысях выдвинулся к границе ещё вчера, в полдень. Будут в пути всю ночь, но, само собой, к утру догнать нарушителей всё равно не успеют. День сюда, день туда, да один минимум про запас. Расстояния тут совсем другие, их по карте не измеришь. Но у них и задача стоит другая, не нарушителей ловить, а вовремя прибыть к месту встречи. Всё остальное ляжет на наши, то есть мои, плечи. Если быть уж совсем точным, то на крылья самолёта. Именно для этого мы с ним сюда и направлены.

Вечер ушёл на подготовку, потом короткий отдых, и ранним утром, затемно, начали готовиться к вылету.

Первым делом предполётная подготовка. Проверил, выключено ли магнето, убраны ли чехлы, законтрены ли гайки крепления винта. Провернул сам винт, затем открыл оба капота и осмотрел высоковольтные провода, надёжность крепления накопечников к свечам. Убедился в отсутствии обрывов, потёртостей и подтеканий. Открыл пробку бензобака и прутиком проверил количество топлива в баке. Завернул крышку, закрыл лючок и открыл топливный кран. Подкачал вручную бензин в поплавочную камеру. Ожидаемо ничего криминального не обнаружил и захлопнул оба капота со спокойной душой. Всё остальные действия буду выполнять в кабине со своего рабочего места.

Потом, после проверки, со стоянки удалили за линию сцепления весь обслуживающий персо-

нал. Убрали от греха подальше и техников, и помощников. Даже наш щит и меч, полковник Отдельного корпуса жандармов Изотов, безропотно сносивший все тяготы изнуряющего переезда, зарекомендовавший себя самым замечательным образом, и тот поторопился отойти на безопасное расстояние.

Это он сейчас стал таким понятливым. А то, помню, в столице, в первые дни всё норовил свою храбрость показать, порывался в такие моменты рядом находиться и, как мне говорил, «контролировать лично весь процесс мероприятий». Не больше и не меньше. С трудом уговорил его следить за процессом с безопасного расстояния. А сам подумал: случись что со мной, хоть будет кому потом государю доложить...

— Константин Романович, прошу вас самым внимательным образом присмотреть за казачками. — Изотов и двух шагов не успел сделать, как я его окликнул. — Не дай бог кто из них про запреты забудет или, что ещё хуже, в очередной раз захочет удаль свою молодецкую показать и на поле выскочить перед взлетающим самолётом.

Вздохнул, глянул в ночь, в ту сторону, откуда отчётливо периодически доносилось то лошадиное всхрапывание, то перестук копыт по твёрдому, словно камень, грунту. Были уже подобные моменты и в Ташкенте, и здесь, в Душанбе. Потому и напоминаю полковнику о необходимых мерах безопасности. Знаю, что Изотов со мной полетит, но пока на земле находится, пусть выполняет свои обязанности. Да и кому ещё напоминать, если не ему? Это его дело задачу ставить своим подчинённым.

— Не извольте беспокоиться, Николай Дмитриевич, — оглянулся сильно похудевший за время путешествия полковник. — Я уже распорядился выставить оцепление вокруг поля.

— Хорошо, надеюсь на вас, — кивнул и продолжил вывинчивать лобовую заглушку канала для установки взрывателя из подвешенной к пилону первой из четырёх авиабомб.

Оцепление — это хорошо, это правильно, не помешает. Очень уж тут народ своеобразный и своеобразный по своей дремучести и неуёмному детскому любопытству. То и дело норовят под винт подлезть, интересно им, понимаешь, посмотреть, как это он так быстро вращается? Понимаю, меня самого это зрелище, как помню, тоже в своё время завораживало. Но ведь эти любопытные не только смотрят, они ещё и пальцы к этому сверкающему диску тянут! Потрогать...

Или в первое время кто-нибудь из них всё норовил перед катящимся по земле самолётом проскакать с гордым видом, мол, обогнал, доблесть и храбрость свою показал всему белому свету. Потом на полном серьёзе обсуждают между собой, что самолёт хорошо, а добрый конь лучше...

Так что пусть оно будет, оцепление. Если начистоту, то толку от него немного. Жандармов и солдатиков у нас мало, живая цепочка вокруг взлётки получается очень растянутая. Даже сейчас, после стольких увещаний и серьёзных разговоров, казачки то и дело срываются удаль свою показать, выскочить на поле перед рулящим самолётом. Этим кентаврам проскочить между двух солдат оцепления ничего не стоит. Ну не стрелять же нам в своих? И наказывать не можем, напрямую они нам не

подчиняются, только через подхорунжего Наливайко. Вот и приходится терпеливо вести разъяснительную работу.

Или ещё случай был...

Без улыбки точно не обойтись. На окраине Ташкента это было, как раз там, где лет эдак через сорок авиастроительный завод построят с аэродромом. Приехали прямо на точку, выгрузились, расположились, палатки поставили. Зачем мудрить с выбором, если я уже знаю, где лучше всего лётное поле располагать? Место, где потом будет Южный аэродром, занимать не стану, там пусть граждане суетятся, а вот Восточный мне в самый раз подходит.

Ну а почему бы и не избавить предков от мук выбора места для завода, если тут ему и стоять? Впрочем, не факт, что это на самом деле случится, ведь история здесь идёт совершенно по другому пути, и перебазировать сюда с началом войны авиа-ремонтный завод из Химок или нет, неизвестно. Да и насчёт будущей войны вилами по воде писано...

Да, про случай! Собрали мы самолёт, поле лётное огородили кольешками. Верёвку на скорую руку между кольями натянули и флажками обозначили. Пусть и поздняя осень, самое начало ноября, а на улице пекло. Это для местных прохладно, а для нас жарко, когда плюс двадцать восемь на термометре. Да с непривычки. В общем, разморило всех.

Ну нам деваться некуда, жара не жара, а шевелиться и исполнять государев наказ нужно, вот я и приказал начинать к первому пробному рулению готовиться. Руки-то по штурвалу соскучились, душа в небо просится. А оно тут синее-синее, высокое-высокое, так к себе и манит.

И надо же было такому случиться, что как раз в этот момент мимо нас караван из Бухары идёт по своему маршруту, по которому и этот караванщик всю жизнь ходил, и до него предки веками землю на этой тропе топтали. До наших флажков им никакого дела нет. Подумаешь, болтается под верблюжьими копытами верёвка с красненькими тряпочками.

Пока жандармы очнулись, пока в себя пришли и этот караван заметили, пока сообразили, они уже и верёвку с кольев снять успели. И сматывать принялись по-хозяйски.

Изотову доложили, тот подхватился, команду подчинённым отдал порядок на поле навести, те и побежали выполнять приказание. Шуму было...

Без переводчика никто ничего не понимает, все кричат, руками размахивают, верёвку друг у друга из рук дёргают, вот верблюды и не выдержали. Это на картинках они флегматичные животные, которых не поднять, с места не сдвинуть. А тут оказались сущими зверями. Дикими причём. Мало того что чудом кого из наших не покусали или копытами не побили, так вдобавок из связки вырвались. Ну и давай по полю галопом носиться. Оставшиеся верёвки вместе с кольями на себя намотали, ревут от злости или страха, слюна во все стороны летит. А запах какой в воздухе витает, лучше не нюхать. Караванчики ещё больше зашумели, ловить свою животину кинулись. Там же товары!

Наши солдатики тоже за животными бегают, но с целью поймать и не пущать! Ну и казённое добро возвратить, само собой. А я лишь об одном думаю: только бы не в мою сторону, только бы не сюда кинулись. Растопчут же самолёт. Уже и пистолет из кобуры вытащил, к стрельбе изготовился...

Обошлось в тот раз. Верблюдов переловили, привязали. Повезло, что стрелять не пришлось и что товары из тюков не высыпались. А то в обоих случаях испортили бы с местными отношения навсегда как пить дать. Изотов потом это дело урегулировал. Если бы не мундир с эполетами и не присутствующий тут же бек-полицмейстер, то не знаю, чем бы это закончилось.

Теперь везде, где бы ни оказались, лётное поле со всех сторон тщательно огораживаем, столбы крепкие вкапываем. Колючей проволоки нет, так мы верёвку в три ряда по высоте натягиваем. С флажками. Как на волков. Чтобы уж точно никто не прошёл.

Но и местные сюда после того случая не суются. И слухи разлетелись по округе, и местный полицмейстер указ издал. И даже двух своих человек для надзора за порядком приставил. Только я этих двоих один раз за всё время и видел, когда они нам представлялись. Изотов говорит, они больше в чайхане заседают, там все удобства, и оттуда им нас охранять проще...

Как ни торопились, а в Ташкенте пришлось задержаться и дооборудовать самолёт дополнительными топливными баками. Иначе нам с расстояниями не справиться, слишком тут условия сложные. В столице говорили одно, задачу красиво расписали, а на деле всё оказалось совсем по-другому. Не то чтобы я не готов был к чему-то подобному, легковерием никогда не страдал, но не настолько же! Вот и приходится теперь мудрить и выкручиваться, изобретать велосипед на коленке. Но ничего, не впервой, справлюсь. Не зря же настаивал на выделении нам дополнительного вагона и переобо-

рудовании его в мастерскую на колёсах. Плюс запасные части и расходные материалы. Так что было не только из чего склепать сами баки, но и проложить, и подключить топливные магистрали. Но это я так, для красного словца их называю, значимость и важность повышаю. На самом деле магистрали — это топливные трубки со штуцерами. На Путиловском заводе мы давно наладили их выпуск под свои собственные требования.

И работа не сложная. Проложить магистраль вдоль борта, зафиксировать хомутами, чтобы не болталась, прикрутить, затянуть, и всё. Ещё неделя в плюс пошла. Потом перелёт в Душанбе. Оттуда мы с дополнительными баками дотянемся туда, куда нужно. И, главное, назад вернёмся.

Сам полёт несложный, сложнее было дожидаться сопровождение и охрану. Им-то своим ходом добираться пришлось, везти с собой запасы топлива и масла. В Душанбе не в Ташкенте, здесь с этим туго. А если и есть, то качества неважного. А ещё нужны палатки, запчасти, инструменты, лак и ткань, продовольствие и боеприпасы. И прочее, прочее. Конечно, что-то из самого необходимого, без чего не обойтись, я в самолёте перевёз. В основном продукты на нас двоих с Изотовым. Но это крохи, чтобы только до прихода наших дотерпеть...

Вот и ещё две недели плюсовать пришлось. Мастерская на колёсах пока осталась в Ташкенте...

Встряхнулся, выбросил из головы посторонние мысли. Дело мне предстоит серьёзное, нужно собраться.

Сначала оснастил взрывателями все четыре бомбы на подвесках и только потом переключился на те, что находились в фанерных карманах по